

Религии мира. История и современность

Выпуск 1986 года

УДК 291
ББК 86.3
Р36

Р36 Религии мира. История и современность: Выпуск 1986 года / – М.: Книга по Требованию, 2021. – 288 с.

ISBN 978-5-458-45167-3

Издание включает в себя материалы теоретического плана по истории религии, а также статьи, освещающие актуальную на момент публикации религиозную ситуацию в отдельных странах.

ISBN 978-5-458-45167-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ

И. А. Крывелев

РЕЛИГИЯ КАК ОБЩЕСТВЕННОЕ ЯВЛЕНИЕ

Рассматриваемая проблема включает в себе ряд аспектов, из которых здесь освещаются следующие: 1) соотношение индивидуального и общественного содержания религиозной идеологии; 2) влияние религии на ход общественного развития; 3) церковь как базирующийся на религиозной идеологии социальный институт; 4) социальная роль религии на современном этапе. Разумеется, в рамках одной статьи вопросы эти могут быть рассмотрены лишь конспективно.

1

Одна из линий, проходящих через всю историю домарксистского и современного немарксистского религиоведения, — трактовка религиозной идеологии как суммы переживаний отдельного человека, хотя на разных этапах развития и у разных деятелей эта линия выражена неодинаково ярко и в неодинаковых формах. Религия как «чувство абсолютной зависимости» (Ф. Шлейермахер)¹, продукт взаимоотношения «я и бог» (С. Кьеркегор)², размышлений «философствующего дикаря» (Эд. Тэйлор, Г. Спенсер)³, подсознания и связанной с ним деятельности «я» и «сверх-я» (З. Фрейд и неофрейдисты)⁴, психической отягощенности и тяжелых внутренних переживаний заброшенной в мир личности (экзистенциализм — К. Ясперс, М. Хайдеггер, Г. Марсель)⁵, «религиозного опыта» индивидуума (прагматизм, в особенности В. Джемс)⁶, «встречи» того же индивидуума с богом (современный протестантизм — К. Барт, неохасидизм — М. Бубер)⁷ — эти концепции при всем различии исходных философских позиций, а также научной и общественно-идеологической значимости в интересующем нас плане демонстрируют подход к религии как чисто личностному явлению. Такой подход искажает

ее сущность. Ключом к пониманию особенностей и содержания индивидуального сознания служит современное индивиду общество с его социальными отношениями, уровнем и характером материальной и духовной культуры. Сознание человека не есть его собственное спонтанное порождение: оно находится в тесном взаимодействии с сознанием других людей, составляющих социальную группу, класс, общество. Вполне закономерно поэтому, что современная психология не ограничивает сферу своих исследований областью индивидуального сознания: ее важнейшая составная часть — социальная психология. Содержание последней, будучи систематизировано и изложено в виде логически стройной доктрины, принимает форму идеологии; общественный характер ее несомненен.

Чуть ли не с момента рождения человека начинается процесс его «социализации», освоения им всей доступной для него совокупности материальных и духовных ценностей общества, в котором он живет. Имеется в виду не пассивное освоение, ибо индивид, если можно так выразиться, — атом конкретного общества, в жизнь которого вливается его деятельность.

Этим обуславливается принципиально отрицательное отношение марксизма к построениям типа «робинзонад», когда личность (в частности, ее сознание) рассматривается «в себе», вне жизни общества, в отрыве от нее. То рациональное, что присутствует в концепции коллективных представлений Э. Дюркгейма и Л. Леви-Брюля⁸, задолго до публикации их работ уже было известно в марксизме как учение об общественном сознании.

Распространив эти положения на религиозную жизнь личности, надо будет сделать вывод, что ее религиозные переживания и так называемый религиозный опыт связаны не с узко трактуемой индивидуальной, а с групповой социальной психологией и, если рассматривать вопрос на еще более высоком уровне, с религиозной идеологией.

Документы, в которых зафиксированы догматические основы любого вероучения, не представляют собой результата индивидуального творчества какого-либо идеолога. Не отрицая роли тех личностей, которые стояли у колыбелей конкретного религиозного движения, будь то Христос (коль скоро он существовал в реальной истории), Мухаммад или Будда, мы понимаем, что их проповедь не осталась гласом вопиющего в пустыне только потому, что она питалась актуальными для их времени переживаниями и чаяниями народных масс, т. е. соответствовала умонастроению эпохи. Всякое возникавшее и укоренявшееся религиозное учение было в этом смысле общественным продуктом.

До того как новое учение отливалось в более или менее застывшие догматизированные формы, оно на протяжении определенного времени, нередко исчисляемого столетиями, было предметом борьбы между различными общественными и церковными группировками. Иногда разногласия касались довольно тонких нюансов в тех или иных формулах вероучения. Наивно предпола-

гать, что, скажем, длительные споры и столкновения между церковными лагерями буквально из-за йоты (нужна ли данная буква в греческом слове, означающем сравнительное достоинство бога-сына по отношению к богу-отцу) вызывались стремлением найти окончательную истину в этом вопросе. На деле различные богословские позиции означали лишь своего рода символы, «цвета знамени» разных социальных и политических группировок.

Признание истинными догматических формул, установленных церковными инстанциями, обязательно для верующего. Правда, в разные исторические эпохи степень этой обязательности неодинакова. Было время в истории религий, когда несогласие с буквой догмы навлекало сильнейшее преследование. Теперь требование признания истинности религиозных установлений не так безусловно, церковные инстанции смотрят сквозь пальцы на весьма существенные расхождения в толковании догматов, притом не только рядовыми верующими, но и богословами, духовенством, профессорами теологии. Содержание религиозной веры в последние десятилетия стало несравненно более индивидуализированным, чем это было прежде. Получило известное распространение такое явление, как аконфессиональная религиозность, означающая, что человек не связан с каким-то определенным вероисповеданием и не состоит ни в какой церкви, но считает себя верующим в истинность каких-то религиозных положений, в большинстве случаев довольно туманных. Но и в этом случае религиозные представления не полностью порождены индивидуальным сознанием, они во многом навеяны прочитанной литературой, общением с людьми, мысль которых работает в том же направлении, средствами массовой информации. Стало быть, и современная «индивидуализированность» религиозных взглядов и переживаний не противоречит тезису об общественной природе религии.

Освещение проблемы личных или общественных корней религиозного сознания имеет большое значение для решения проблемы генезиса религии. Позитивисты эволюционистского направления (наиболее типичным представителем их в прошлом веке был Э. Тэйлор) исходили из ориентировки на индивидуальное мышление «философствующего дикаря»⁹, которое побуждало его задаваться вопросами о сущности и происхождении окружающего мира и наблюдаемых им явлений. Поскольку уровень его мышления был невысок и действительные знания фактически отсутствовали, у него возникали представления о духах и душах, а потом — о богах, ангелах и бесах. Есть и противоположное по видимости решение проблемы, практически опирающееся на те же индивидуалистические установки: речь идет о теории обмана, известной еще с древних времен и получившей широкий отклик в построениях эпохи Просвещения во Франции. Согласно этой теории, религия возникла тогда, когда «первый обманщик встретил первого дурака». При таком объяснении религия оказывается изделием злонамеренного индивидуума. Никаких научных оснований оба эти варианта под собой не имеют.

В концепции «философствующего дикаря» первобытный человек предстает глубокомысленным одиночкой, ставящим перед самим собой и решающим «вечные проблемы», которые, по существу, не связаны с его повседневной практикой. Между тем, как известно, сознание первобытного человека непосредственно вплетено в его материальную производственную деятельность. А условия и характер этой деятельности вовсе не являются особенными для каждого индивидуума, они общие для коллективов — родов и племен, человеческих групп, их составляющих.

В сферу внимания первобытных людей прежде всего включались сюжеты, сопряженные с условиями их жизни и труда, именно они находили в их сознании фантастическое отражение. Сюжеты же эти по своему содержанию общественные, и их религиозно-фантастическое отражение тоже является порождением и достоянием не замкнуто-индивидуального, а общественного сознания.

Теория происхождения религии, заключающаяся в том, что один человек из своекорыстных побуждений внушал религиозные иллюзии другим людям, не выдерживает критики ни по теоретическим соображениям, ни в свете этнографического и исторического материала. Религия была результатом не обмана одним человеком других, а коллективного самообмана, т. е. и по происхождению представляет собой общественное явление. С момента своего возникновения она оказывала существеннейшее влияние на все стороны жизни общества, в особенности на развитие духовной культуры. Другой вопрос, было ли оно, как утверждают апологеты, прогрессивно-стимулирующим или, наоборот, тормозящим. Этот вопрос заслуживает специальных и разносторонних, притом конкретных, исследований применительно к разным областям культуры и разным периодам ее развития.

2

Будучи явлением общественным, религия не могла не играть серьезную роль в жизни общества на всех этапах его истории. Речь идет о роли и религиозной идеологии, и религиозных институтов. Первая далеко не всегда прямо и определенно воздействует на человеческое поведение и тем самым на ход общественного развития. Классы и социальные группы, а также отдельные лица ведут себя так, как им диктуют складывающиеся в действительности обстоятельства и их положение в конкретных условиях. В тех случаях, когда реальные классовые, групповые и индивидуальные интересы противоречат сложившейся идеологии, последняя практически перестает быть руководством к действию и фигурирует лишь в проповедях, в благочестивых назиданиях, не претворяющихся на практике. Можно привести множество примеров того, как отдельные люди и социальные группы усердно пропагандируют одни религиозно-идеологические установки, а живут, опираясь на принципы, прямо противоположные этим

установкам, причем в истории религии это не какое-либо исключение, а, по сути, правило.

Парадоксальность положения, правда, несколько сглаживается тем, что в документах, формулирующих основы той или иной религиозной идеологии, можно обычно найти взаимопротиворечащие установки, касающиеся личного и общественного поведения человека: наряду с запрещением убийства — предписания относительно того, когда, за что и кого убивать не только можно, а просто необходимо; наряду с запрещением прелюбодеяния приводятся прелюбодейные эпизоды из биографий персонажей, считающихся праведными и святыми.

Президенты США, например, как правило, демонстрируют свою христианскую набожность и приверженность религии евангелия. Это не помешало, однако, санкционировать убийство во Вьетнаме сотен тысяч ни в чем не повинных людей. В стороне остается евангельская идеология братской любви, как и ветхозаветный декалог, запрещающий убийства. Впрочем, не трудно сослаться в этой связи и на те места Ветхого завета, которые прямо предписывают геноцид в отношении древних народов Палестины, и даже на те тексты Нового завета, где проповедь любви к людям перемежается угрозами, проклятиями и посулами вечной гибели им же.

Своего рода «многогранность» религиозной идеологии позволяет ей играть в истории общества противоречивую роль. А когда содержание ее решительно противоречит жизни и ее требованиям, она отходит в сторону, а жизнь идет мимо. Если бы приверженцы тех религий, которые признают «промысл божий» и систематическую заботу верховного существа о человеческом благе, были последовательны, они без колебаний отказались бы от усилий, направленных на изменение общественных порядков в интересах человека и человечества. Фатализм, ярко выраженный в большинстве религий, должен был бы обрекать их приверженцев на квиетизм, на безучастность и бездеятельность в общественной жизни и классовой борьбе. Иногда и теперь можно уловить в христианской проповеди, распространяемой средствами массовой информации, такой мотив: избавление человечества от всех социальных и прочих зол и бедствий наступит только после второго пришествия Христа Спасителя, поэтому все попытки политических партий, правительств, любых других социальных сил современности добиться коренного поворота к лучшему в судьбе человечества бесполезны и беспредметны. Тем не менее клерикальные организации не перестают активно вмешиваться в ход общественной борьбы и в оправдание такого систематического вмешательства привлекают достаточно «убедительные» цитаты из Священного писания и священного предания.

В те периоды истории общества, когда идеология выступала полностью в религиозной форме, интересы угнетателей и угнетенных, да и любых противоборствующих социальных сил, получали выражение в различных, но в равной мере религиозных

идеях. В средневековой Западной Европе еретические учения являлись идеологическим выражением соответствующих социальных движений против господствовавшего феодального строя, освящавшегося ортодоксально-католическим учением. Допустимо ли, однако, считать религиозную идеологию, как таковую, нейтральной применительно к общественному прогрессу, способной защищать интересы эксплуататоров и эксплуатируемых, прогрессивных и реакционных слоев общества? При подобном подходе дело сводилось бы лишь к тому, чтобы определить, какова данная религия — реакционна она или прогрессивна.

Религия в целом ориентирует людей не на совершенствование общественных порядков, не на революционное преобразование общества, а на консервацию существующего положения в надежде на его изменение к лучшему в результате вмешательства потусторонних сил. Она ориентирует людей не на научное познание сил и явлений природы и общества, а на слепую веру в изрекаемые ею постулаты. Конечно, степень категоричности предписаний и установлений в тех или иных вероучениях или в одних и тех же религиях на разных ступенях их исторического бытия различна, но в общем указанная оценка остается, на наш взгляд, правильной для религии как идеологии в целом.

Не противоречит этой характеристике и тот факт, что история знает немало случаев, когда прогрессивные социально-революционные движения проходили в религиозной форме и под религиозными лозунгами. Прогрессивным во всех этих случаях было социальное содержание движения, религиозная же форма отражала его незрелость, расплывчатость его социально-политической программы.

Разумеется, роль религии не следует рассматривать только с политической стороны. Влияние религиозно-церковных институтов и самой религиозной идеологии распространяется на все области социальной и индивидуальной жизни людей. Она воздействует на развитие материальной и духовной культуры, в частности естественные и общественные науки, историю искусств, эволюцию морали и нравов, форм общественного и семейного быта. И если отвлечься от отдельных этапов развития и периферийных, не выражающих сущности явления аспектов, то надо будет признать, что в общем ходе истории религия была своего рода тормозом в «производственном процессе» общественной жизни.

3

Что касается церкви как института, то в исторической практике она приобретала еще черты и функции, имеющие лишь косвенное отношение к религии, а иногда и вовсе не связанные с ней. Формально церковь объединяет людей на почве общей веры, обслуживает их религиозные потребности, обеспечивает им потустороннее спасение. На деле она выполняет и иные, вполне «земные» функции. Верующие оплачивают оказываемые ею религи-

озные услуги материальными ценностями, и церковь становится богатейшим собственником, владельцем земель и замков, фабрик и заводов, железных дорог и банков, ведущим участником крупнейших акционерных обществ и компаний. В средние века католическая церковь в Европе владела третью всех возделывавшихся земель.

Экономическая мощь церковных организаций в наше время тоже очень велика. В США их активы составляют в сумме около 79,5 млрд. долл., из них на долю католической церкви приходится 44,5 млрд., на долю еврейских религиозных общин — около 7 млрд. долл. Бюджет одной лишь баптистской проповеднической организации, возглавляемой Билли Греемом (Грэхемом), оценивается в 15 млн. долл. Финансовое могущество католической церкви в целом выражается в цифрах, сравнимых с достоянием некоторых крупных капиталистических государств.

Поскольку находящиеся в распоряжении церкви активы пускаются в оборот, они приносят прибыль, так что церковь продолжает богатеть в данном случае благодаря операциям, не имеющим отношения к религии. Но в ее доходах до сих пор немалое место занимают религиозные источники: плата за требы, пожертвования верующих и т. д. Кроме того, в некоторых государствах, например в ФРГ, с тех граждан, которые формально входят в соответствующие религиозные общины, взимаются церковные налоги. В ряде стран, особенно там, где церковь не отделена от государства, последнее финансирует ее, и расходная часть бюджета включает статьи, специально это предусматривающие. Церковь в данном случае финансируется именно как религиозная организация, выполняющая определенные идеологические функции.

Часть церковных средств используется и на религиозные цели — издание проповеднической и апологетической литературы, содержание специальных учебных заведений, готовящих кадры священнослужителей, миссионеров и проповедников. И само содержание духовенства — статья расхода, непосредственно связанная с религией, ибо именно оно обслуживает религиозные потребности верующих, занимаясь отправлением культа и выступая посредником между людьми и сверхъестественными силами. В целом хозяйственно-экономическая мощь и деятельность церкви отражает одну из сторон общественного характера религии.

Экономическая сила содействует укреплению могущества и влияния. Для церкви это тем более существенно, что ее реальная власть всегда опиралась и на идеологический фактор — на представление верующих о том, что она монопольно владеет абсолютной истиной и что всякое несогласие с нею означает ересь, чреватую опасностью гибели человеческой души.

На различных этапах своей истории церковь играла весьма серьезную политическую роль. Существовали и теократические государства, в которых власть формально принадлежала самому богу, что выражено и в термине «теократия». Мало, однако, найдется людей, которые не понимают, что более точным здесь бу-

дет термин «перократия», власть духовенства, церковной иерархии. Это определение с полным правом можно отнести и к арабским халифатам средневековья, и к Ватикану, и к Тибету, где верховным правителем является далай-лама. Во всех случаях, однако, это были и есть земные классово-политические институты, лишь по форме имеющие религиозное происхождение.

Церковь, повторяем, всегда защищала определенные классовые интересы и играла известную роль в общественной жизни и во всех формах классовой борьбы. Не углубляясь в историю, можно показать это на актуальном и даже современном материале. Сравнительно недавно турецкие султаны, как халифы, претендовали на руководство панисламистским движением, преследовавшим не столько религиозные, сколько вполне светские цели. В западноевропейских государствах в последние десятилетия отмечается общественно-политическая активность католической церкви. Это проявляется в функционировании политических партий, именующих себя христианско-демократическими, профсоюзов, непосредственно связанных с церковью, различных просветительских организаций и обществ, находящихся в прямой или косвенной зависимости от нее. Клерикализм как политическое движение с религиозной окраской, непосредственно направляемое церковными организациями, есть реальное явление нашего времени.

Церковь никогда не стояла в стороне от острых вопросов жизни общества. Знаменитое изречение, приписываемое евангелиями Христу, — «Царство мое не от мира сего», в реальной истории христианства опровергалось непрестанно. Христианские церкви всех вероисповеданий неизменно вмешивались в дела «мира сего», стараясь, чтобы их слово всегда было решающим. Примером может служить позиция Ватикана по основному социальному вопросу нашего времени — об отношении к капитализму и социализму.

Еще в конце прошлого века Ватикан выступил с энцикликами и другими официальными документами, посвященными этому вопросу. В них, начиная со знаменитой «*Regum novarum*» (1891), предлагается решение борьбы между трудом и капиталом, причем такое, которое предусматривает сохранение в неприкосновенном виде основ капиталистического порядка. По мере того как становится все более очевидной историческая неизбежность смены капитализма социализмом, смещаются акценты в ватиканских документах — исчезает прямое осуждение социализма, усиливаются ноты сочувствия угнетенным в капиталистическом мире и в странах, до недавнего времени находившихся в колониальной зависимости. Но, конечно, церковь не одобряет борьбы против существующего строя, которая пропагандируется и ведется наиболее прогрессивными силами современности. В плане интересующей нас проблемы важно подчеркнуть, что церковь выступает активной общественной силой. Это полностью соответствует всем ее традициям и, очевидно, будет характеризовать ее до тех пор, пока она функционирует как социальный институт, организаци-

онно воплощающий религию в качестве формы общественного сознания.

Особую актуальность вопрос о роли религии как общественно-го явления приобретает в наше время, на современном этапе социально-политического и культурного развития. Церковные организации различных религий активно действуют непосредственно в политической сфере. Казалось бы, в тех странах, где церковь отделена от государства, нет условий для ее прямого участия в политической жизни. Но так дело обстоит только в социалистических государствах: там это отделение проведено последовательно и церкви существуют именно как религиозные организации, занимающиеся обслуживанием соответствующих потребностей верующих. В мире же капитализма обычно сохраняются позиции религиозной идеологии в самом политическом быту. Отметим в этой связи присягу на Библии в суде и при вступлении на некоторые должности, например на пост президента США. В вооруженных силах имеются, как правило, военнослужащие-капелланы. Формально их функции заключаются в обслуживании религиозных потребностей верующих солдат и офицеров, в действительности же они являются составным элементом аппарата идеологической обработки личного состава в духе, предписываемом интересами данного государства. Преподавание религии в государственных школах — тоже одна из частей механизма систематического поддержания и культивирования религии.

В капиталистических странах церковь постоянно участвует в политической деятельности. В настоящее время ее религиозно-клерикальная окрашенность не так заметна, как то было несколько десятилетий назад, когда некоторые клерикальные политические партии прямо возглавлялись священниками или епископами (вспомним хотя бы Партию центра в ФРГ и ее главу прелата Кааса). В ряде случаев связь той или иной партии с религией и церковью не отражена в названии (скажем, австрийская Народная партия), но нередко название партии прямо указывает на связь с религиозной идеологией и церковью: Христианско-демократическая партия в Италии, Христианско-демократический союз в ФРГ и т. д. Названия некоторых восточных государств дают знать о приверженности этих государств исламу. А Израиль, например, хотя и не именуется иудаистским государством, отводит немалое место раввинату в структуре своих органов.

Участие церкви в политических и общественных движениях проявляется также в деятельности клерикальных профсоюзов, молодежных и женских организаций, студенческих союзов, крестьянских обществ, кооперативов и т. д. Через них церковь стремится воздействовать на самые разные группы населения, и прежде всего трудящихся, стараясь придать их реальным общественным требованиям религиозный смысл и удержать эти группы под своим влиянием. Далеко не всегда им это удается; люди, входящие в клерикальные организации, в ходе борьбы за свои классовые интересы нередко начинают понимать подлинную сущ-

ность религиозной идеологии. В этих организациях появляются левые направления, не желающие повиноваться церковному руководству в вопросах, связанных не только с практическим действием, но и с идеологией. В наше время часто возникают независимые от церкви общественные организации левого и демократического толка, в той или иной мере религиозно окрашенные. В одних случаях церковь смотрит на них сквозь пальцы, в других — пытается ставить преграды их развитию, а то и просто запрещает их. Так, во Франции в 1951 г. под давлением церкви прекратил существование созданный в 1947 г. Союз прогрессивных христиан, а в 1955 г. в результате ее вмешательства закрылся католический журнал левого направления «*Quinzaine*». Не будучи в состоянии полностью остановить процесс радикализации своих массовых организаций под влиянием насущных потребностей и сил современной классовой борьбы, церковь все же пытается всеми мерами тормозить его, удерживая эти организации на традиционном пути религиозно-общественного консерватизма.

Для уяснения общественной роли религии важнейшее значение имеет характер проповедуемых ею социально-политических взглядов. Сила этой пропаганды в сравнении с обычной политической пропагандой возрастает в результате того, что здесь определенные взгляды и лозунги выдвигаются в качестве угодных богу, душеспасительных и благочестивых. В этой связи приобретает особый интерес содержание политической пропаганды, ведущейся церковными организациями.

Общая картина весьма пестрая. Некоторые церковные группировки и богословские школы придерживаются левых взглядов и активно пропагандируют идеи мира, демократии и социального прогресса. Выразительны в этом смысле даже названия некоторых современных христианских идеологических школ — «Теология надежды», «Теология революции» и т. д. Нельзя сказать, чтобы такие наименования полностью соответствовали их сути, но показательна уже сама тенденция. О социально-политических позициях официальных церковных инстанций наиболее крупных современных конфессий следует сказать особо.

Еще сравнительно недавно (1959) Ватикан запрещал католикам под страхом отлучения от церкви сотрудничать с коммунистами и голосовать за них на выборах в парламент. Вскоре, однако, тактические вехи сменились. Уже в документы II Ватиканского вселенского собора, несмотря на возражения представителей его правого крыла, были включены формулировки гораздо более прогрессивного характера. Энциклики по общественно-политическим вопросам, опубликованные в период собора и после него («*Racem in terris*», «*Populorum progressio*» и др.), демонстрируют некоторое, по крайней мере внешнее, «полевение» папства. Уже не говорится о необходимости защиты частнособственнических устоев человеческого общежития, а даже, наоборот, признаются положительными некоторые современные прогрессивно-демократические тенденции и движения. Довольно решительно